

Дна Трамп
Убийцы

Эна Трамп Убийцы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31188416

ISBN 9785449064691

Аннотация

90-е годы 20-го века. В хипповскую коммуну в горах над Ялтой попадают двое друзей с сомнительным прошлым и темным будущим...

Содержание

Убийцы	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Убийцы

Эна Трамп

© Эна Трамп, 2018

ISBN 978-5-4490-6469-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Убийцы

Сергей строил коммуну, Оксанка же, жена его, строила что-то совсем другое. Оксанка была нормальная столичная, точнее, подстоличная барышня (из Люберец); с холодами она уезжала, прихватив их с Сергеем сына, и жила в Подмосковье всю зиму (и работала), пока Сергей коммунариствовал в одиночку в занесенной снегом землянке, сутки напролет бия в кришнаитские тарелочки и куря выращенную на личном (на самом деле, оттяпанном у совхоза) участке траву. С совхоза-то, собственно, все и началось. На третий, то ли даже на второй год, – в соответствии с наилучшими традициями, эхом от второй уже раз наступающих на Белый дом танков, – приехал трактор и порубил в винегрет пару десятков сливовых саженцев, стараниями Сергея облагородивших свободный от кривеньких сосен склон на подступах к водоему. В жизни в этих местах ничего не росло, – враги они, что ли, себе, совхозники, – исключая, разумеется, висячие сады обитателей Васильевки, плавно, с подъемом в горы, сменяющей курортную Ялту, – облюбованные Сергеем участки были даже еще выше. Его тут все знали, – знали и его очкарика-братца (старшего) с внешностью младшего научного сотрудника или, как это сейчас называется, менеджера по маркетингу, на деле же – не так давно оттоптавшегося срок и, кажется, с самого возвращения не сдвигавшегося,

в отличие от Сергея, ни выше ни ниже занятой над уровнем моря позиции (их калитка выходила прямо на пятак кольца 12 автобуса, самое начало Васильевки), — , — , — , там же пил, там же, в пределах трех крохотных комнатусек, делимых со старушкой-матерью, разносились его стихавшие еще внезапнее, чем начинавшиеся, вокальные упражнения, — даже умудрялся, не покидая двора, развлечься хватанием за жопы знакомых Сергея женского пола, сопровождавших последнего в его непродолжительных визитах в отчий дом.

Теперь, значит, муссировался вопрос об официальном признании Сергеевых прав на захваченную территорию, — в чем идея сельскохозяйственной коммуны должна была послужить краеугольным камнем: «Согласно Закона об общественных организациях...» Мудрое, соломоново решение! Или сократово. Весь этот сброд, все отбросы, стекающие летом на побережье, неминуемо всплывали на горе, где так удобно расположиться курить траву, пополам с толстокожими крымскими помидорами, — только не надо думать, что у Сергея росли одни наркотики: им отводилось на огороде скромное, хотя и почетное место (равно и в миропонимании) ... Так что сельскохозяйственная (точнее, религиозно-сельскохозяйственная) коммуна явилась не столько утопией, сколько осознанной необходимостью. Труд же и был религией Сергея — махаяной, потому что была еще и хина-: то есть, в принципе допускалась возможность духовного совершенствования без участия в общественных ра-

ботах (так допускалась она, например, в отношении наркомана Славика, аборигена низовий Ялты, симулировавшего кришнопоклонничество, под флагом чего процветал убежденно-сонный нарциссизм, естественно подразумевающий отказ от любых усилий наружу). Настоящие кришнаиты, которых летнее время, видимо, придающее здешним местам аромат родины этой религии, являло во множестве, были совсем не таковы. Кто более рьяно таскал вместе с хозяином камни или копал землю?.. днем, потому что вечерами они без усталости распевали мантры внизу на набережной. Речь сейчас об одной – красивой и действительно очень одухотворенного вида женщине лет тридцати пяти, уже не первое лето состоящей у Сергея в добровольных помощниках, – впрочем, в этом году, должно быть, ввиду Оксанкиного присутствия, перебравшейся с палаткой и молодым неофитом за пределы огорода, к самому водоему. Что кришнаиты! Если Оксанкин папа, приехавший наведаться «к детям на курорт», оказался, к полной своей неожиданности, строителем ашрама в специально отведенном месте за свекольными и гвоздичными грядками?.. Так действует личный пример, подкрепленный соответствующей идеологией (или идеология, подкрепленная соответствующим примером?) На кого смотря, конечно. Взять Славика, или, был еще такой, Саша Питерский, алкоголик ялтинский, в ампула Михалкова-младшего, с оглушительной отрыжкой и запасом серебряного века наизусть, каковыми, не мытьем, так катаньем,

мог отбрехаться от любого намека на теорию происхождения видов, – как ни странно, пользовавшийся неизменным кредитом Оксанки (и Славик тоже). Черт ее, Оксанку, разберешь! Могла напуститься на какую-нибудь невинную хрящеворобку (Миша, – тот совсем перестал сюда появляться, и вообще увял, и куда-то сгинул с Ялты, с кришнаитами какими-нибудь), – а строить самые сладкие мины совсем уж страшилищам: местным марафонцам, вышедшим спьяну (и с ружьями!) погулять к водоему. Только раздавалось во-круг: паф! паф! (Потом, конечно, начиналось: «Ну Сергеей!!...»)

Она появлялась с лучами солнышка, – белая, зеленая, розовая, с разговорившимся за зиму наследником, милостивая и пешая королева в свои владенья, – входила в хозяйственные заботы как рука в рукавицу – и краны изобилия, доселе хлещущие как и в кого попало, вдруг захлебнувшись, начинали точить скудную струйку, едва ли способную послужить поддержанию в подвижном состоянии присутствующей рабочей силы. Сергей, вообще отличавшийся невниманием к материальному, – мог схрупать морковочку с земли, порассуждать, что хорошо бы питаться тоже дровами, а больше любил выпалить косяк и побежать с грозными криками приволочь в полтора себя больше, – в данном контексте оставался слеп как-то уж демонстративно; за то же в главной, метафизической, части согласие царило дивное. Вдвоем они могли далеко пойти. Все это не значит, что они не ругались. Еще

как лаялись! Любо-дорого глянуть, как Сергей, подпрыгивая от ярости, кричит, не стесняя себя задницей какого-нибудь залетного гостя, торчащей из пыльной гряды: «ТЫ НЕ УВАЖАЕШЬ ТРУД!!» – Оксанка же, не уступая ни пяди, руки в бока: «ИМ ЗАПЛАТИЛИ!!» Тут и чумазый Сергей Сергеевич, неподалеку, блестя чернильным глазом, уничтожает хлеб, переложенный запертым под ключ сливочным маслом, покупаемым за деньги в магазине. В сущности, Оксанке можно было все простить. За безоглядность. За эту хитрость и пыл, с которым предавалась она, горожанка, своим кабачкам и курям, – и как хороша собой, смягчась душою, потчевала приживальцев от сердца отстегнутыми ломтями свежеспеченного козьего сыра: вся в ямочках, глаза, от умильной улыбки ушедшие в кошачьи щелки, бирюза... В конце концов, кому не нравится? Никого на аркане не тащат. Как лето – сюда; сидите в своем Петербурге!

Но была еще весна. Сергеево поместье напоминало концертный зал перед началом – зрители бродят в холле, музыканты настраивают инструменты... некоторые, правда, уже пилили свою партию, рассудив, что наняты не дожидаться – отнюдь! – а отыграть определенное количество нот в определенной последовательности. Это были «им заплатили» – два лоботряса, Сергей и Вова, не местные, шатавшиеся по пустынной пока (– вот настоящий концертный зал!) Ялте tandemом, эдаким катамараном, словно бы вовсе без спины, –

были облаиваемы всеми собаками, когда вечером поднимались к Сергею-хозяину по лабиринту багдадских улочек, – при чем Вова хихикал, а Сергей лишь загадочно улыбался; смешил их взблескивающий в свете редких фонарей зажатый в кулаке у Вовы нож. Такими их и запомнили движущиеся в ту же сторону две девочки, только приехавшие. Деньги – настоящие деньги! – целый ворох разноцветных украинских рублей, похожих на сильно выцветшие конфетные фантики, – уплаченные Сергеем Сергею с Вовой за работу, они исправно, к Оксанкиной ярости, пропивали (наверное, уже пропили все). Появившись, впрочем, раньше Оксанкиного в этом году приезда, они могли тоже иметь поводы быть недовольными. Работали на славу: второй этаж, бревенчато-каменный, превративший наконец Сергеево жилище в дом (из простой норы, покрытой досками) – это их рук дело. Приехавшие девицы только ахнули, когда выбрались наконец: они тут были году в девяносто втором, когда на этом месте действительно «тьма была... безвидна и пуста... и дух...» – а теперь: тихое журчание воды в темноте, что-то пышно вздымающееся с огорода. А еще ашрам – недостроенный, выглядел он как грот: половинка великанского яйца птицы Рух, врытого в землю, из здоровых камней на цементе – уму непостижимо, как можно было отгрохать такую жуткую вещь без... подъемных кранов, что ли. Одна сразу заявила, что будет здесь спать. Потом – в изначальной комнате-погребе (теперь она служила кухней и гостиной),

в зыбком свете живого запертого в печку огня, за деревянным столом, собравшиеся, во главе с полуголым бородатым Сергеем, казались братьями-разбойниками. Девчонки чуть не уписались от счастья. Как всегда, было довольно трудно установить, кто тут кем приходится (и сколько?); более или менее разобрались на следующий день.

А задница, торчащая из грядок, принадлежала как раз одной из них, – это была такая демонстративная истерическая акция: смотрите, люди добрые! и я, и я за мир, труд, май! Понятно: рассчитывайте на себя. Судя по всему, не переусердствовали они и в миру – вообще невозможно было выяснить, чем занимались. Одна как будто училась. Зато у них была гитара, на которой другая могла исполнить псевдоваллийскую песню Б. Г., переложенную ею самой на стихи Толкина об эльфийском царе. Песня красивая, девицу вынуждали петь ее ежевечерне. Во время разговоров о душе, тоже ежевечерних, они откровенно томились; и, проболтавшись со своей гитарой с неделю на набережной и ничего не выудив за неимением публики, уехали куда-то там «на свое место».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.